

ЗОЛОТОЙ ФОНД УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. И. ХОЛОСТОВА

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Евдокия Холостова

**Генезис социальной
работы в России**

«Дашков и К»

2008

УДК 364.2
ББК 65.27

Холостова Е. И.

Генезис социальной работы в России / Е. И. Холостова —
«Дашков и К», 2008

ISBN 978-5-394-03436-7

В данной книге раскрываются этапы развития социальной помощи в России с древних времен, анализируется становление государственного призрения, общественной и частной благотворительности в пореформенный период, раскрывается практика социальной работы в советский период и в современных условиях. Для студентов и преподавателей факультетов социальной работы, а также социальных работников.

УДК 364.2

ББК 65.27

ISBN 978-5-394-03436-7

© Холостова Е. И., 2008

© Дашков и К, 2008

Содержание

Введение	6
I	7
II	13
III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евдокия Ивановна Холостова
Генезис социальной работы в России

© Холостова Е. И., 2008

Введение

Многие века складывались на Руси традиции милосердия и благотворительности. Бесценный отечественный опыт свидетельствует, что одно из основных качеств русского национального характера – стремление помочь ближнему в беде, оказать содействие и проявить милосердие и сострадательность к нуждающемуся. Это наложило определенный отпечаток на характер социального призрения и меценатства в России. Его своеобразие заключается в том, что наряду с государственной и церковно-монастырской благотворительностью параллельно развивалась благотворительность общественная и частная. Социальная практика, сложившаяся в начале становления российского государства, была не совсем совершенна, но в современных условиях, когда социальная работа приобрела государственный статус, многие ее особенности могут быть использованы в социальном обслуживании населения: государственное законодательство, уставные и программные основы учреждений, источники и способы финансирования, назначение и статус опекунских советов, контроль государства и общества за благотворительными организациями, формы самопомощи и взаимопомощи и многое другое.

Социальная практика того времени складывалась в сложных условиях: недостаточным было финансирование, нескоординированными действия благотворительных организаций, низким уровень профессионализма кадров.

Однако вместе с тем социальная работа в современных условиях не может формироваться без опоры на исторические традиции милосердия и благотворительности в России. Ее становление как особой профессии в начале 90-х гг. XX столетия вызвано не только возросшими потребностями населения в социальной поддержке, но и изменением содержания этих потребностей. В условиях перехода России к рыночным экономическим отношениям, когда резко ухудшилось социальное положение основной части населения, углубился кризис во всех сферах жизнедеятельности, социальная работа приобретает более индивидуализированный характер, обусловленный глубокими личностными интересами в решении социальных проблем.

За прошедший период в России сложились основные направления развития социальной работы, активно внедряются в практику социальные технологии, формируются различные формы и методы социальной защиты различных категорий населения.

I

Социальная помощь в древнейших славянских общинах

Гуманистические национальные традиции славян складывались под влиянием многих факторов, среди которых были их условия жизни и быта.

Для славянских восточных племен характерной особенностью быта являлось прежде всего то, что они вели родовой образ жизни, при котором "... каждый жил со своим родом, отдельно, на своих местах, каждый владел своим родом"¹. Для наших современников, как справедливо замечал еще выдающийся знаток русской истории С. М. Соловьев, во многом потеряно значение рода. У нас остались лишь в обращении производные от него слова – родня, родство, родственники, да ограниченное понятие семьи. Но предки наши на той, начальной стадии общественного развития не знали семьи, они знали род, который означал для них всю совокупность степеней родства, как самых близких, так и самых отдаленных. Более того, род означал и совокупность родственников, и каждого из них в отдельности. Предки наши, подчеркивал С. М. Соловьев, не понимали никакой внеродовой общественной связи и поэтому употребляли слово "род" и в смысле соотечественника, и в смысле народа². При самых противоречивых взглядах на родовой быт, характеризующих его как господство идиллических родственных взаимосвязей или же предполагающих суровость отношений между отцом и детьми, между родоначальником и родичами, несомненным остается то, что родовой быт и родовые отношения, сущность которых в каждом конкретном случае обуславливались жизнедеятельностью людей, основными видами их занятий, оказывали весомое влияние на утверждение нравственных норм, народных традиций и обычаев, закладывали своеобразный фундамент особенностей национального характера.

Многими археологическими исследованиями установлено, например, что еще с конца I тыс. до н. э. у племен, населяющих районы Припяти и Среднего Приднепровья, т. е. у предков восточных славян – носителей так называемой зарубинецкой культуры, основными занятиями уже были земледелие, скотоводство, ремесленничество. Такой тип мирных занятий постепенно формировал и особый характер взаимоотношений между людьми, нравственные нормы поведения индивидов. Противоположное влияние на этот процесс можно проследить, сопоставив внутриродовые отношения у племен восточных славян с отношениями, бытовавшими, например, у древних германских и других народов, ведущих в те далекие времена преимущественно воинственный образ жизни, у которых в связи с этим господствующим был культ физической силы. По свидетельству С. М. Соловьева, это существенное обстоятельство определяло и отношение соплеменников к существам слабым, несчастным. Так, по бытовавшим у этих племен понятиям, отнять жизнь у таких людей считалось подвигом сострадания. Именно поэтому у германцев и литовцев существовала обязанность детей убивать своих престарелых и немощных родителей. "Эти обычаи, – отмечает С. М. Соловьев, – имели место у племен воинственных, которые не терпели среди себя людей лишних, слабых, увечных, не могших оказать помощь на войне, защитить родичей, мстить за их обиды; у племен, живших в стране скудной, стремление предохранить от голодной смерти взрослых заставляло жертвовать младенцами"³. Однако у народа относительно более мирного, занимающегося земледелием, живущего в стране обильной, с щедрыми природно-климатическими условиями, такие обы-

¹ Соловьев С. М. Соч. В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. Т. 1–2. С. 90.

² См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 90.

³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 91.

чай не наблюдались. Не встречаются они и в описаниях различными авторами жизни и быта восточных славян. Не находит их наш древний летописец Нестор даже у славян померанских, несмотря на то, что они по своему воинственному характеру и по соседству с германскими и литовскими племенами были более близки к ним. Но даже у этих славян, подчеркивает историк, отношение к престарелым родителям и родственникам было совершенно иным, чем у германцев и литовцев.

Как видим, преимущественное занятие земледелием и скотоводством, свойственное восточным славянам еще на ранней стадии своего развития, имело большое значение для зарождения у них таких черт народного характера, как уравновешенность, незлобливость, отражающих простоту их быта, нравов и обычаев. Об этом говорят и письменные свидетельства западных путешественников древности, побывавших среди славянских племен. Славяне, как отмечает С. М. Соловьев, своею нравственностью производили на них выгодное впечатление, многие из путешественников обращали внимание на то, что между славянами очень редко попадаются злые и лукавые. Все они единогласно превозносили гостеприимство славян, их ласковость к иностранцам, которых усердно провожали из одного места в другое. Конечно, гостеприимство не являлось исключительной чертой лишь славян, оно свойственно и другим народам. У греков, например, замечает С. М. Соловьев, нарушение долга гостеприимства расценивалось как оскорбление высшего божества – Зевса. И все же у славян было свое особое отношение к гостеприимству, основанное на сострадательности к странствующим и путникам вообще, подвергавшим себя неизбежным дорожным трудностям и подстерегающим их при этом опасностям. Эта сострадательность обуславливалась тем, что славяне, более других народов подвергавшиеся враждебным столкновениям и со своими, и с чужими, нападениям и изгнанию, острее ощущали всю тяжесть невзгод, переносимых другими, и испытывали внутреннюю потребность облегчить их, смягчить своим вниманием и заботой о госте, откуда бы он ни пришел.

Древние путешественники, по свидетельству С. М. Соловьева, отмечали и такую характерную для того времени особенность нравов славян, как их хорошее обхождение с пленниками, которые у славян не рабствовали до конца жизни, как у других народов, а по истечении определенного срока были вольны или возвратиться к своим, давши откуп, или остаться жить между славянами в качестве друзей и вольных людей⁴. Это отношение к пленным в период человеческой истории, когда из-за захвата пленников нередко происходили войны с целью превращения их в рабов или продажи на невольничьих рынках в других странах, раскрывает такую черту славянского народного характера, как миролюбие. Ее формирование происходило под существенным влиянием их быта и основных занятий, среди которых все большее и большее место занимали такие мирные дела, как хлебопашество и скотоводство, а также длительное время (по сравнению с народами Западной Европы) бытовавший родовой тип общественного устройства. “У народа, в простоте родового быта живущего, – отмечает С. М. Соловьев, – раб не имеет слишком большого различия от члена семьи, он бывает также младшим членом ее, малым, юным, степень его повиновения и обязанностей к главе семьи одинакова со степенью повиновения и обязанностей младших членов к родоначальнику”⁵.

Однако формирование этих черт народного характера (человеколюбие, незлобливость, открытость души) у восточных славян шло не только под влиянием основных видов их деятельности (хлебопашество, скотоводство, ремесленничество) и затянувшегося дольше, чем у других народов, родового общественного устройства, но и среды обитания, тех географических и природно-климатических условий, в которых они находились вследствие естественно-исторических процессов передвижения и расселения народов. Значение этих факторов отмечается

⁴ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 97.

⁵ Там же. С. 98.

большинством исследователей древнейшей истории России. Так, В. О. Ключевский, уделивший этому вопросу большое внимание в своем фундаментальном труде “Курс русской истории”, считал несомненным то, что человек поминутно и перемененно то приспосабливается к окружающей его природе, к ее естественным силам и воздействиям на него, то приспосабливает эти силы к самому себе, к своим потребностям, от которых он не может или не хочет отказаться, и в ходе этой непрерывной “двусторонней борьбы с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частично и свое отношение к другим людям”⁶. Внешняя природа, считал В. О. Ключевский, нигде и никогда не действует на все человечество одинаково. Неравномерность этого воздействия сказывается на местных особенностях людей, прежде всего бытовых и духовных, какие вырабатываются у них под очевидным влиянием окружающей природы. Взятые во всей своей совокупности, эти особенности и составляют народный темперамент.

Среди основных стихий природы, принявших своеобразное участие в устройстве жизни и формировании духовных понятий русского человека, следует обозначить прежде всего бескрайние степные и лесостепные просторы Восточно-Европейской равнины, на которых в последующем образовалось Русское государство; обилие могучих и спокойных по своему течению рек, сравнительно умеренный климат, открытый выход к Черному морю. При этом историк обращает внимание на характер освоения нашими далекими предками обширной равнины. Особенность его состояла в том, что восточная ветвь славянства, разросшаяся потом в русский народ, распространялась по свободной территории равнины “не постепенно путем нарождения, не *расселяясь*, а *переселяясь*... покидая насиженные места и садясь на новые”⁷. Такая возможность беспрепятственного переселения на новые места не могла не отразиться на характере наших предков. Обширность и обилие удобных для жизнедеятельности свободных территорий позволяли соплеменникам или родичам при назревании внутриродового или внутриплеменного неудовольствия уходить на новое местожительство, т. е. из-за земли и иных угодий не нужно было ссориться, их хватало всем. Конечно, это ослабляло или вовсе снимало возможные конфликты, закрепляло в характере людей добродушие, незлобливость, развивало предрасположенность к миролюбию и доброте.

В результате такого свободного расселения люди всякий раз попадали в новые условия жизнедеятельности, при которых завязывались и новые отношения с окружающим их миром, отражающие специфику этих мест, определявших в значительной мере своеобразие развития народной жизни, ее особый склад и характер. Было ли это, например, степное раздолье, воспетое русским народом в своих неповторимых по задушевности и напевности песнях, зародившее и воспитавшее в его душе чувство шири и дали, открытость, доброжелательность; или бескрайние лесные массивы, богатые всяческой дичью и оказывающие русскому человеку, как отмечает В. О. Ключевский, самые разнообразные услуги – хозяйственные, политические и даже нравственные. Лес обустроивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями⁸. Вместе с тем влияние леса на древнерусского человека было противоречивым. С одной стороны, он служил ему самым надежным убежищем от внешних врагов, а с другой – пугал своей особой тишиной и дремучестью, в которой чудилось что-то таинственное и даже зловещее. Это не могло не породить самые невероятные воображения, вследствие чего наши предки “населили” лес всевозможными страхами – это темное царство одноглазого лешего, злого духа, который не прочь поозорничать, подурачиться над попавшим в его владения путником. В этом нам открывается еще одна грань

⁶ Ключевский В. О. Соч. В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. М., 1987. Ч. 1. С. 78–79. 10

⁷ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 49–50.

⁸ Там же. С. 83.

характера древнерусского человека – его податливость влиянию внешних обстоятельств, предрасположенность к суеверным представлениям о добре и зле.

Своеобразное влияние на восточных славян, на формирование их нравственности оказывали великие русские реки. Древнерусский человек, по свидетельству историка, на реке оживал и жил с нею душа в душу. Он любил реку и поэтому ни о какой другой стихии своей страны не говорил в песнях таких ласковых слов – матушка, батюшка. И было за что. Раскрывая значение реки в жизни древних русичей, В. О. Ключевский пишет, например, что при переселениях река указывала им путь, они селились по ее берегам, в продолжении значительной части года река и поила их, и кормила. Река, в известной степени, была для россиян своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она приучала людей к общительности, учила чувствовать себя членом общества, знать обхождение с чужими людьми, которые, используя реку как транспортный путь, останавливались у прибрежных поселений⁹. Таким образом, рассмотренные нами природно-бытовые факторы и условия, взятые во всей своей совокупности применительно к исследуемому периоду русской истории, позволяют сделать общий вывод о том, что их прямое или опосредованное влияние на формирование гуманистических начал в характере и обычаях древних русичей было одним из решающих.

С зарождением Киевской Руси происходит упрочение внутригосударственных и хозяйственных связей, развивается культура, формируется зарубежный рынок. Все это в конечном счете ведет к распространению и закреплению бытовавших уже народных традиций и обычаев, определенных норм морали, отражающих в своей совокупности духовную жизнь славян.

Формирование славянской духовности, развитие культуры, в значительной степени определяющей характер и содержание взаимоотношений между людьми, проходило также под влиянием деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия, создавших в 863 г. славянский алфавит (глаголицу), а вскоре на его основе и единый книжно-письменный славянский язык. Этот язык охватил значительную часть славянских народов и пустил прочные корни на почве восточного славянства – в Киевской Руси. Он явился одной из важнейших предпосылок становления и развития самобытной славянской цивилизации, той особой духовности россиян, отличающейся предрасположенностью к добру и справедливости, сострадательности.

Глубокие корни в формировании обычаев и традиций были заложены в связи с принятием Киевской Русью христианства. Молодое Русское государство с европейским народом избрало византийскую православную религию не только потому, что у него с Византией были давние торгово-экономические отношения и связи, но главным образом потому, что православное христианство было более созвучным характеру и нравам древнерусского народа с его природной духовностью и открытостью. Но даже при этом освоение христианской религией, в ее византийском толковании, славянской души потребовало от нее определенной модернизации своих канонов, приспособления к уже сложившимся у славян, обитающих в Приднепровье и северо-восточных просторах Восточно-Европейской равнины, собственным представлениям о добре и зле, о богах-покровителях и других фетишах¹⁰.

Православная христианская церковь сравнительно быстро распространила свое влияние на Киевскую Русь. Этому в немалой степени способствовало ее учение о спасении души, о человеколюбии, о духовности, близкое по своей сути самобытным представлениям и нравам русских людей, создавших свой тип цивилизации. В представлении русской цивилизации, как отмечает О. Платонов, духовность – не умозрительное мудрствование, а прежде всего нравственное чувство высшей справедливости: жить по душе, достойно, не гнаться за богатством, за наживой, испытывая жадность к деньгам, к вещам. “Самое большое место в народном сознании, – пишет он, – занимали представления о душе, стыде, совести, грехе, доброте, справед-

⁹ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 85–86.

¹⁰ См.: Никольский Н. М. Истории русской церкви. М., 1983. С. 24–25. 13

ливости, правде”¹¹. Это положение подтверждается и заслуживающими внимания ссылками на огромное количество дошедших до нас и сохранившихся в русском языке пословиц и поговорок на эту тему – своеобразный кодекс народной мудрости и нравственности, служивший нашим предкам идеалом в жизни, например: “Душа душу знает”, “Душа с душой беседует, а сердцу весть подает”, “Живем душа в душу”, “Поговорить по душам” и др.

Все это вместе взятое явилось объективной предпосылкой закрепления христианства на Руси, сыгравшего положительную роль в историческом процессе славянских народов нашей Родины, в том числе и в развитии благотворительности в России.

Заповедь Христа “просящему дай” практически означала: накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице, призреть малое дитя. По единогласному заключению исследователей благотворительность становится необходимым условием нравственного здоровья.

Формы помощи в славянских общинах складывались под влиянием языческого мифологического сознания древнейших славян, сохранения общинной системы землевладения, пережитков в семейно-бытовой сфере и т. д.

Выделяются следующие основные формы защиты и поддержки в древнейших славянских обществах:

- культовые формы поддержки с различными сакральными атрибутами;
- общественно-родовые формы помощи и защиты в рамках рода, семьи, населения;
- хозяйственные формы помощи и взаимопомощи¹².

В качестве примера культовых форм поддержки приведем пример поклонения древних славян кругу (колесу). Он прежде всего выполнял функцию оберега от злых духов, был символом определенной целостности, стабильности и основательности¹³.

Человек как бы не ощущал себя обособленным существом, он был неким единством, заключавшим в себе космическое пространство, одновременно являясь его продолжением. В то же время он не противопоставлял себя космосу, природе, а включал себя, растворялся в них, становясь таким же целым, как и они.

Эта “целостность-принадлежность” достигалась общинным существованием, обрядовой и трудовой деятельностью, которые органично вплетались в контекст природы и космоса¹⁴.

Существенной особенностью являлось и то, что древние славяне связывали помощь с различными мифами, например с оберегами. Они наделяли сакральными свойствами различные предметы и растения (предметы костюма, домашней утвари, березу, дуб, осину), проводили родовые обряды почитания предков, обожествляя их. По представлениям древних, человек переселялся в другой мир, оставляя за собой свои привязанности, привычки, потребности. Поэтому не случайно рядом с умершими в могилу клали необходимые предметы быта, утварь и даже животных. В честь умерших устраивались тризны, погребальные состязания, игрища, трапезы. Считалось, что покойник невидимо присутствует и принимает участие во всеобщем действии.

Особое место в сакрализации процесса помощи отводилось культу героя. Показательны в этом отношении княжеские пиры, на которые собирались дружинники. В княжеских пирах “среди медопития складывались высокие христианские добродетели: милость, нищелюбие и страннолюбие”¹⁵.

¹¹ См.: Платонов О. Святая Русь // Россияне. 1992. № 12. С. 57–63.

¹² См.: Фирсов М. В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика. М., 1996. С. 73–92.

¹³ См.: Каганов Е. Р. Религия древних славян. М., 1918. С. 9.

¹⁴ См.: Фирсов М. В. Указ. соч. С. 75–76.

¹⁵ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 178–179.

Легенды и сказания славян о княжеских пирах свидетельствуют о том, что непременными участниками трапезы были калики и нищие странники, получавшие богатую милостыню.

Среди общинно-родовых форм помощи и поддержки особое место отводилось круговой поруке – “верви”. Вервь был не только формой гражданского права, но и системой взаимоподдержки общинников друг друга. Тем самым уже в этот период времени закладывалась традиция заботы о слабых, менее защищенных.

Так, в этнографических материалах мы находим примеры поддержки стариков. Если семья не помогала пожилому человеку, то заботу о стариках брала на себя община. Для них отводился по специальному решению общества отрезок земли, где они работали. Если же пожилые люди окончательно “впадали в дряхлость”, они призревались общиной.

Старика определяли на постой (питание, проживание) на несколько дней, затем он “менял” своих кормильцев. Такой вид помощи стал своеобразной общественной повинностью.

Не менее интересные подходы к поддержке сложились в отношении детей-сирот. Проводилось усыновление детей внутри родовой общины, так называемое “приймачество”. “Приимать” в семью сироту”, как правило, могли люди позднего возраста, когда им становилось трудно справляться с хозяйством или когда у них не было наследников. Принятый в семью должен был почитать своих новых родителей, вести хозяйство и т. д.

Другой формой поддержки сироты была общинная, мирская помощь. Она по своему характеру совпадала с помощью “немогущим старикам”, когда ребенок переходил из дома в дом на кормление.

Сироте могли назначать “общественных” родителей, которые брали их на свой прокорм. Но если сирота имел хозяйство, община противодействовала усыновлению. Такие сироты назывались “выхованцами”, “годованцами”¹⁶.

Зарождаются и формы помощи вдовам. Нуждающимся вдовам оказывали помощь продуктами. Это происходило, как правило, после уборки урожая. Сельская община предоставляла им также землю, на них распространялись такие же формы мирского призрения, как и на стариков.

В основе хозяйственной взаимопомощи и взаимоподдержки лежала всевозможная взаимовыручка. Так называемые “помочи” оказывались людям в самых различных ситуациях: при пожаре, наводнении, других экстремальных ситуациях. Особой формой поддержки были “наряды миром”, они проводились в семье, если взрослые ее члены были больны. Соседи приходили, чтобы растопить печь, накормить скот, ухаживать за детьми. Обязательными помочи были при постройке дома, уборке урожая. При коллективных помочах происходило разделение труда, где различные виды работ выполняли различные группы. Мужики, например, пахали, женщины боронили, старики сеяли.

Одной из активных форм помощи были толоки. Они включали в себя не только совместную обработку земли, но и различные виды перевозок: сена, урожая зерна. Своеобразной была и форма складчины, когда несколько семей объединялись, чтобы совместно заготавливать корма для скота. Совместно использовался и рабочий скот: обработка земли осуществлялась наемными волами.

Таким образом, в древнейший период славянской истории зарождаются интересные формы помощи и поддержки. Они носят не только внутривидовой характер, но и выходят за ее пределы, становятся основой для христианской модели помощи и поддержки нуждающимся.

¹⁶ См.: Дашкевич П. М. Гражданский обычай приимачества у крестьян Киевской губернии // Юридический вестник. 1887. № 6.

II

Основные тенденции благотворительности в древнерусском государстве (X–XIII вв.)

Благотворительность, или филантропия (от греч. *philanthropia* – человеколюбие), – понятие, означающее оказание помощи как отдельным лицам, так и организациям: сострадание, сердечное участие в жизни больных, немощных, нуждающихся; материальное или иное поощрение общественно значимых форм деятельности (защита окружающей среды, охрана памятников культуры, развитие образования, здравоохранения, спорта). Желание помочь ближнему возникает вместе со становлением общества. Потребность объединить усилия людей в борьбе с природой для получения пищи, при сооружении жилища – эти и многие другие факторы человеческого общежития неизбежно порождали сочувствие друг к другу, взаимную поддержку. Поэтому вся история человечества неотделима от благотворительности. Однако ее содержание, материальные и духовные факторы, возможности и главные направления менялись и меняются в зависимости от конкретных условий.

Благотворительность всегда и у всех народов – продукт своей эпохи, определенных исторических условий. Они и определяют масштабы благотворительности, ее материальные возможности, формы, методы и главные направления. В истории человечества благотворительность в той или иной форме присутствовала всегда.

Начиная с X в. на Руси разрушаются родоплеменные отношения. Создавшаяся культурно-историческая ситуация потребовала иных форм поддержки и защиты.

Основные тенденции помощи в этот период времени были связаны с княжеской защитой и попечительством, которые в своем развитии претерпевают как бы два этапа своего становления.

Первый связан с распространением христианства в Киевской Руси, который условно обозначается с периода крещения Владимира I до второй половины XII в. – образования удельных княжеств и распространения христианства на окраинах восточнославянских земель.

И второй период – со второй половины XII по XIII в. включительно, когда благотворительные функции князя постепенно сливаются с монастырско-церковными формами призрения¹⁷.

Как отмечает Е. Максимов, простейшие виды благотворительности заключались первоначально почти исключительно в кормлении нищих¹⁸.

Практиковались они, как свидетельствуют летописи, отдельными “нищелюбцами”, из среды которых особенно выделялись князья, духовенство и лучшие люди земли. Все они, находясь под свежим и здоровым влиянием только что воспринятого христианского верования, охотно поучались великим религиозным заповедям, главнейшие из которых повелевали любить Бога и любить ближнего, как самого себя. Практически это означало накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице, призреть хоть “единого из малых сих” и вообще так или иначе проявить свое милосердие и нищелюбие. Исходя из таких побуждений и выражаясь в жизни в таких формах, благотворительность была, по единоголосному утверждению исследователей, не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. Древний русский благотворитель, “хри-

¹⁷ См.: Фирсов М. В. Указ. соч. С. 98–103.

¹⁸ См.: Максимов Е. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894.

столубец”, скорее помышлял о том, чтобы повысить собственный духовный статус, чем о том, чтобы поднять уровень общественного благосостояния. Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. “В рай входят святой милостыней, – говаривали в старину, – нищий богатым питается, а богатый нищего молитвою спасается”. При таком воззрении на благотворительность помощь бедным была делом отдельных лиц, проникнутых идеями христианской нравственности, а не включалась в круг государственных обязанностей. Так относились к ней и князья, из которых многие восхвалялись летописцами за их нищелюбие. Св. Владимир, как известно, позволял “всякому нищему и убогому” приходиться на княжеский двор, чтобы кормиться, а для больных, которые сами не могли приходиться, – отправлял повозки, нагруженные хлебом, мясом, рыбою, овощами, медом и квасом. По свидетельству Иакова Мниха, это делалось не в одном Киеве, но и по все Земле русской. Есть указания, что тот же Св. Владимир, празднуя в Васильеве (ныне Васильков Киевской губернии) устранение грозившей ему от печенегов опасности, раздал бедным много хлеба, меду и триста гривен серебра из своей казны. Некоторые писатели утверждают, что при этом же князе были учреждены первые на Руси больницы. Хотя прямого подтверждения этому в памятниках древней письменности и не встречается, тем не менее известно, что больные во время его княжения получали не только призрение, но и, по-видимому, врачебную помощь. Кроме Св. Владимира история указывает еще на целый ряд других христолюбивых и нищелюбивых князей. Из числа их особенно отмечают великого князя Ярослава Владимировича и брата его Мстислава, князя Тмутараканского. При Ярославе было открыто первое в Новгороде училище на триста юношей; во второй половине XI в. широкой помощью бедным выделялись великие князья Изяслав Ярославович и Всеволод Ярославович, а также князья Тмутараканские Ростислав и Глеб. Но больше других, после Св. Владимира, нищелюбием прославился Владимир Мономах, который, по свидетельству современников, раздавал деньги и предметы первой необходимости обеими руками. Несомненным памятником нищелюбства Владимира Мономаха служит его завещание, в котором он говорит своим детям: “Всего ж паче убогих не забывайте, по сколько вам возможно по силе своей кормите”. Сестра его, Анна Всеволодовна, основала в Киеве училище для девиц, которых не только содержала за свой счет, но и учила их читать, писать и ремеслам. Из преемников Мономаха на почве благотворительности выдвигаются сын его Мстислав и затем – Ростислав, раздавший бедным все имущество дяди своего Вячеслава, полученное по наследству. Андрей Боголюбский, по примеру Св. Владимира, приказывал развозить по улицам и дорогам жизненные припасы и раздавать их бедным и заключенным в темницах. Всеволод Юрьевич (с 1177 по 1213 г.), после бывшего в 1185 г. во Владимире сильного пожара, оказал большую помощь горожанам при возобновлении ими построек и помог им в обзаведении. Его примеру следовала и жена его великая княгиня Мария. Александр Ярославич Невский тратил значительные суммы на выкуп русских из татарского плена; Михаил Ярославич, замученный в Орде, наставляя сына своего, говорил: “Странных и нищих призирай, угодно бо есть сие Богу”. Иоанн Данилович был прозван Калитой за тот мешок, который он носил с собою, раздавая из него милостыню. Дмитрий Донской был так внимателен к бедным и страждущим, что кормил их из своих рук. Из удельных князей своим нищелюбием славился Николай Давыдович, построивший в первой половине XII в. в Киеве больничный монастырь. Мстислав Ростиславович затрачивал значительные средства на выкуп пленных, а брат его Роман все свои доходы тратил на помощь бедным и не оставил даже ничего на свое погребение. Владимир Василькович роздал бедным все свое имение, золото, серебро, драгоценные камни, утварь, украшения и скот. Княгиня Василиса (жена князя Андрея Константиновича), раздав все свое имущество, приняла иноческий сан и кормилась от своих рукоделий.

Во второй половине XII в. княжеская помощь и защита нуждающихся претерпевает изменения. Это обуславливается рядом причин: ростом монастырского и церковного призрения,

увеличением татаро-монгольских набегов и данничества, а также тем, что князья становятся хозяевами-вотчинниками своего удела.

Удельное княжение вырабатывает свои виды помощи и поддержки, связанные с дальнейшим процессом принятия христианства, строительством городов, защитой мигрантов, охраной земель от набегов соседей.

Как пишут летописи о рязанском князе, “Великий князь Ингвар Игоревич, обнови землю Рязанскую и церкви постави и монастыри согради, и пришелци утеши, и люди многи собра...”¹⁹. Теперь можно наблюдать новые защитные функции князя, которые обусловлены адаптацией к новым условиям жизни людей. Такая деятельность характерна не только для рязанских князей.

А. Экземплярский, изучая жизнедеятельность великих и удельных князей Северной Руси в период нашествия татаро-монгольских племен, отмечает, что подобный вид поддержки в тот период распространен повсеместно. Так, в 1238 г. князь Ярослав Всеволодович, прибыв во Владимир, осуществил ряд мер по организации восстановления города. “Первою заботой князя было очищение стольного города от трупов, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и сами храмы; нужно было собрать и ободрить разбежавшихся от татарского нашествия жителей”²⁰. Захоронение в братских могилах – скудельницах – это тоже функция и задача князя, и здесь наблюдается не только христианско-нравственный долг, традиция, обряд, но и меры против распространения различных моровых поветрий (непременные спутники всех массовых пандемических событий).

По мнению А. Преснякова, “князь – народная власть, а не внешний и случайный придаток волости. Он – необходимый орган древней государственности для удовлетворения насущных общественных потребностей населения – внешней защиты и внутреннего “наряда”²¹. Таковы были требования к нему населения земли – волости. Однако в тот период, когда русские княжества жили под властью Золотой Орды, выполнение этих требований практически было невозможно. Весь период характеризуется спадом княжеской охранной деятельности, и лишь отдельные князья находили новый способ действий по защите и поддержке земель – вотчин, а следовательно, и населения. К ним относятся князья Александр Ярославич, а позднее – Иван Калита, которые в качестве защиты и поддержки населения выбирают не средства войны, а средства дипломатии. Все это сказывалось на способе поддержки нуждающихся на данном этапе.

Исходя в своей благотворительности из нравственно-религиозных побуждений, князья, естественно, склонны были ставить ее под покровительство церкви и поручать осуществление самого дела представителям религии, т. е. духовенству. Поэтому последнее шло во главе благотворительности. Особой щедростью в этом деле отличались иноки Киево-Печерского монастыря и между ними преподобные Антоний, Даминиан, Феодосии Печерский и др. Феодосии близ своего монастыря построил особый дом, в котором помещались нищие, калеки и прокаженные. Первые в государстве больницы, в которых бедные призревались и пользовались бесплатным лечением, были учреждены Переяславским епископом, впоследствии Киевским митрополитом, Ефремом в 1091 г. При всех монастырях, имевших средства, производилось кормление нищих и убогих, для которых устраивались иногда отдельные помещения. Такая заботливость духовенства о благотворении, помимо религиозных побуждений, обуславливалась соответствующими церковными постановлениями. Так, уже в церковном уставе 996 г. упоминается об обязанностях духовенства по надзору за призрением бедных, причем на содер-

¹⁹ Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 135.

²⁰ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 15. 2

²¹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 405.

жание церквей, монастырей, больниц, богаделен и на прием странных-неимущих была определена “десятина”, т. е. десятая часть поступлений от хлеба, скота, судебных пошлин и т. д. Подобные отчисления на церковь и благотворительность делали и частные лица – лучшие люди земли. Так как само духовенство было при этом свободно от различных платежей и сборов, а позже и от татарских даней и, следовательно, пользовалось относительным богатством и достатком, то в руках его находились весьма значительные средства на нужды неимущих. Можно с уверенностью сказать, что никогда впоследствии, в течение всей остальной нашей истории, на дела благотворения не выделялось такой значительной части общих доходов, как в древнейший период княжеской власти. Этот век, по вниманию общества к делам благотворения и по жертвам на него, должен быть поставлен в тысячелетней жизни государства на первое место. Отличительной чертой благотворительности этого периода была “слепая” раздача милостыни, при которой какие-либо расследования о нищих, расспросы их и т. д. не только не производились, но прямо воспрещались учениями святых отцов. Св. Иоанн Златоуст говорит: “Ты не должен разузнавать бедных, что они за люди, потому что ты принимаешь их во имя Христа”. Русский народ, следуя указанию “просящему – дай”, не считал себя вправе заниматься разбором нищенствующих и действительно слепо давал всем просящим. Больше всего, разумеется, раздавались жизненно необходимые продукты, так как денежное обращение в это время было еще очень слабо. Поэтому, несмотря на отсутствие всякого расследования нужды просящего, милостыня нередко помимо воли благотворителя достигала своей цели: голодный не имел надобности брать строительные материалы, а погорелец, не нуждавшийся в пище, не просил хлеба. Помощь поэтому была разнообразна и часто соответствовала действительной нужде. Она выражалась и в постройке жилищ, и в выкупе пленных, и в обучении ремеслам. Больницы и богадельни появляются позже и реже, но и в них, по-видимому, никакого разбора нуждающихся не производилось; они тоже служили прежде всего для исполнения благотворителями евангельского учения “просящему – дай” и учреждались в религиозных целях. Такая форма общественной помощи ради собственного духовного совершенствования не преследовала целей общественного благоустройства, но она, несомненно, имела нравственно-воспитательное значение для тогдашнего общества, только что просвещенного светом христианского вероучения.

Великий князь киевский Владимир уставом 996 г. вменил в обязанность духовенству заниматься общественным призрением, определив десятину на содержание монастырей, богаделен и больниц. На протяжении многих веков церковь и монастыри оставались средоточием социальной помощи сирым, убогим, увечным и больным. Монастыри содержали богадельни, больницы, детские приюты.

В X–XIII вв. церковная практика помощи развивалась не только через монастыри, но и через приходы (так называемая приходская помощь).

В отличие от монастырской приходская помощь была более открытой. В ней сосредоточивалась вся общинная, гражданская и церковная жизнь. Деятельность приходов не ограничивается только оказанием помощи калекам, увечным, нищим: они осуществляют самую разнообразную поддержку – от материальных вспомоществований до воспитания и перевоспитания.

Приход также являлся территориальной, административной и податной единицей. Памятники древней письменности свидетельствуют о том, что почти в каждом из приходов церкви существовали богадельни.

К особо значимым формам приходской благотворительности можно отнести ссуды из церковной казны денег, хлеба, семян. Ссуды выдавались отдельным лицам, а также обществу, часто под залог имущества.

На Севере и в Сибири церковная казна играла роль народных благотворительных банков. Особо необходимо отметить значение приходов в насаждении грамотности и в защите слабых

от сильных (особенно женщин от тиранов-мужей). Для детского призрения при богадельнях устраивались приюты для подкидышей и сирот.

Таким образом, по сути приходская благотворительность была не церковной, а гражданской, т. е. преследовала не только религиозные цели – спасение душ прихожан, но и цели социальной поддержки и помощи нуждающимся.

III

Государственное призрение в России (XVII–XIX вв.)

Сосредоточение дела призрения в государственных учреждениях началось после воцарения династии Романовых в 1613 г. Был учрежден Аптекарский приказ, а с 1670 г. при царе Алексее Михайловиче (годы правления – 1645–1676) – Приказ строения богаделен. Но эта мера, по-видимому, была вызвана не решением осуществить какую-нибудь систему общественного призрения, а только усилением благотворительной деятельности как самого царя Алексея Михайловича, так и ближайших к нему лиц. Но уже в этот период времени появляется необходимость перехода к системе общественного призрения. При этом ясней начинает обозначаться и сама система общественного призрения, в задачи которой входит не только милостыня бедным, но и предоставление трудоспособным нуждающимся заработка, а позднее даже и наказания за тунеядство.

Земский сбор 1681 г. (царствование Федора Алексеевича) побуждает правительство подготовить в 1682 г. особый акт, открывающий новые взгляды на общественное призрение. Но, по-видимому, смерть Федора Алексеевича затормозила действие этого акта.

С приходом к власти Петра I и Ивана V, в период их совместного правления в 1682 г., при регентстве Софьи, мероприятия по искоренению нищенства и призрению вновь приобретают актуальность.

Указ от 30 ноября 1691 г. подтверждает, что “известно им Великим Государям, что на Москве гулящие люди, подвязав руки, также и ноги, а иные глаза завеся и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыни, а по осмотру они все здоровы”.

Ввиду этого указ рекомендует “тех людей иметь и расспрашивать... и по распостным речам ссылат посадских людей в те же посады, из коих они пришли, а дворцовых крестьян в дворцовые волости, а помещиковых и вотчинниковых отдавать помещикам и вотчинникам, а буде те люди с сего Великих Государей указу впредь объявятся в Москве, в том же нищенском образе и в притворном лукавстве, и тем за то притворное лукавство учинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылат в дальние Сибирские города”. Применялся этот указ, по-видимому, слабо, потому что через три года правительство снова подтверждает его и распространяет на лиц духовного звания – “безместных чернецов и черниц, попов и дьяконов”, бродивших в Москве; их также велено “имать и приводить в Стрелецкий Приказ”, а из него отсылать “в Патриарший Приказ, чтобы отнюдь чернецы и черницы и безместные попы и дьяконы по улицам нигде не бродили и по кабакам не водились”. Этим, собственно, и ограничиваются мероприятия против нищенства во время совместного царствования Иоанна и Петра. Дальнейшее развитие их в более или менее полную систему, получающую во многих частях своих практическое осуществление, относится уже ко второй половине единоличного царствования императора Петра I. Идея общественного призрения как отрасли государственного управления, едва зародившаяся в начале царского периода нашей истории, назрела к концу его и требовала, по условиям времени, практического применения. Очень важно выяснить, в каком отношении находилась она к благотворительности, этой древнейшей форме общественного попечения.

Из изложенного очевидно, что общественное призрение как отрасль государственного управления не отрицает благотворительность как проявление известного религиозного или морального настроения. Напротив, признавая законность ее, видит в ней важнейший источник средств для призрения. При этом новое направление в общественном попечении о бедных стремится урегулировать и направить благотворительность, привести ее в известный порядок и более или менее подчинить ее государственным интересам, однако пока еще безо всякого

стеснения и насилия над благотворителями. Государство еще не налагает обязанностей на общество, не обязывает его различать нищенствующих, выделять из них порочных ленивцев и принимать по отношению к каждой отдельной категории нуждающихся определенные меры попечения. Эти обязанности оно склонно принять на себя и свои органы и позаботиться об устранении злоупотреблений нищенством;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.